

СТЕНОГРАММА

рабочего совещания по вопросу обеспечения сохранения и использования наследия Международного Центра Рерихов

27 октября 2016 года

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Мы начинаем наше рабочее совещание, и я думаю, что все-таки необходимо еще раз представить участников.

Прежде всего хочу представить тех, кто у нас нечасто бывает. Стеценко Александр Витальевич, вице-президент Международного Центра Рерихов, и Захарова Елена Александровна, председатель Совета трудового коллектива Международного Центра Рерихов. Только что сообщили, буквально несколько минут назад, что Журавихина не будет, но вас вполне достаточно для разговора.

И с нашей стороны – Светлана Петровна Горячева (на ее и на мое имя было обращение), Виктор Викторович Кондрашин, который принимал участие в общественной международной конференции у вас. И я с большим удовольствием представляю Владимира Владимировича Аристархова, первого заместителя Министра культуры, с которым сразу мы советовались, как нам вместе собраться и как провести необходимый разговор. Кирилл Евгеньевич Рыбак, советник Министра культуры, тоже с нами.

И хочу сообщить, что большая группа работников нашего Аппарата Совета Федерации, кто имел к этому отношение, руководитель аппарата Комитета по науке, образованию и культуре Владимир Михайлович Хрипков, советник заместителя Председателя Совета Федерации Умаханова Ильяса Магомед-Саламовича, который ведет и курирует наш комитет, Ващенко Николай Филиппович, человек от культуры в культуре и с культурой по

жизни своей. Не называю всех, если кто пожелает выступить, то и представится одновременно.

Итак, уважаемые коллеги! Учитывая, что сам предмет нашего разговора всем принимающим участие в рабочем совещании хорошо известен, считаю, что у меня нет необходимости в подробном вступительном слове. Но тем не менее хочу сообщить, что за последнее время в Совет Федерации поступил целый ряд обращений по вопросу конфликтной ситуации, которая возникла между Минкультуры России (должна так сказать) и Международным Центром Рерихов.

Я держу в руках открытое письмо, которое было направлено на имя Светланы Петровны и мое имя, что заставило меня обратиться к Министру культуры. Сразу после нашего, в том числе, письма был проявлен целый ряд действий.

Более того, я попросила Виктора Викторовича Кондрашина, члена нашего комитета, принять участие в международной конференции, чтобы было понятно, еще не встречаясь с вами, еще даже не посетив Центр, но здесь проходило заседание комитета, на котором Виктор Викторович информировал об участии, и вот что он сказал: "Хочу проинформировать членов комитета о том, что проблема центра Рерихов остается, и главная задача, как мне кажется, сейчас – сохранить прежде всего музей, творческое наследие Рерихов, и сохранить тех людей, которые посвятили всю свою жизнь созданию этого музея, и его работе". Есть такое пожелание общественности, чтобы наш комитет держал на контроле тот сложный процесс, который сейчас происходит вокруг Центра Рерихов.

Я к тому, что даже не будучи, так сказать, еще не проводя никаких совещаний, отношение вот такое изначально складывалось. Я хочу, чтобы сегодня на совещании у нас состоялся конструктивный разговор, без эмоций, по делу, который бы привел нас к каким-то конкретным последующим шагам.

Далее. Хочу сказать, что ранее, в период весенней сессии, мы уже тогда вместе с министерством искали пути решения этой проблемы. И неслучайно проблема рассматривалась на коллегии Министерства культуры, но почему-то без участия представителей Центра (я думаю, Владимир Владимирович, Вы тоже это нам поясните, потому что непонятно), а присутствующему нашему коллеге Кондрашину на заседании коллегии слова не дали, но зато сегодня у вас есть возможность еще выступить, хотя Вас я уже зачитала.

Одним словом, я очень рассчитываю, коллеги, что в результате обсуждения мы придем к конструктивным предложениям, направленным на разрешение возникшей конфликтной ситуации.

Поэтому, если вы не возражаете, может быть, сейчас мы бы в первую очередь заслушали Александра Витальевича Стеценко, затем Вас, уважаемый Владимир Владимирович, а потом обменялись бы все мнениями, задали бы интересующие вопросы. Вот я провела вчерашний вечер с этим изумительным историческим документом, который заставляет все-таки на многие вещи посмотреть со всех сторон внимательно. Чтобы не сделать каких-то ошибок, давайте попробуем вот в таком конструктиве начать работу.

До 10 минут достаточно будет? И Вам, и Вам по 10 минут. Чтобы не было длинных докладов, все мы в теме, давайте с предложениями конкретными, потому что я полагаю, что мы раздали поступившие предложения от Центра всех, да? Получили? Вот я держу в руках. Вот вы все прежде всего получили предложение Международного Центра Рерихов к нашему совещанию? Спасибо. Я тоже утром их получила и внимательно сейчас почитала.

Пожалуйста, Вам слово, уважаемый Александр Витальевич.

А.В. СТЕЦЕНКО

Благодарю Вас, уважаемая Зинаида Федоровна. Позвольте вначале еще раз поблагодарить за состоявшуюся сегодня встречу. Она очень нужна и,

я думаю, будет полезна, потому что мы впервые за время конфликта, который возник в последнее время, вот так собираемся и можем ее обсудить. И Вас, Светлана Петровна, потому что Вы тоже были инициатором этой встречи.

Извините, может быть, некорректно с фотографией, цвета не успели вывести, но коллектив наш постарался в течение последних двух дней высказать в буклете концептуальную позицию нашего Центра, который необходимо, как мы считаем, сохранить в том виде, в том составе, в котором сейчас он существует.

За 20-летнюю историю общественного музея имени Николая Рериха у нас еще не было такого тяжелого и опасного для нашей организации периода развития, как за эти последние три года. У нас всегда складывалась нормальные деловые отношения с Министерством культуры, можно привести в пример и Александра Сергеевича Соколова, Александра Алексеевича Авдеева и так далее. Но последние события, которые стремительно развиваются вокруг Центра за последние три года, свидетельствуют о том, что нынешнее руководство Министерство культуры взяло курс на явное разрушение нашего общественного музея, так как изъятие наследия Рерихов у МЦР и выселение его из усадьбы, к чему сейчас идет вся эта ситуация, напрямую связано с разрушением нашего музея.

Наша организация возникла исключительно по желанию и Святослава Николаевича Рериха, и по договоренности с советским руководством о создании негосударственной общественной организации. Для этого у Святослава Николаевича были свои причины, я не хочу вдаваться в эту подробность. Трагедия известна с первой частью наследия, которое Юрий Николаевич привез в Советский Союз в 1957 году. Та часть, которая в государственных музеях, она на места, но, правда, находится в запасниках, а то, что оставалось на квартире после смерти Юрия Николаевича в мае 1960 года, полностью разграблено. И несмотря на неоднократные просьбы

Святослава Николаевича, никаких не было принято мер к сохранению этого наследия. Вот потому-то он и принял решение создать общественную организацию и общественный музей.

Возникает вопрос, какие же основания имеются у Министерства культуры к таким радикальным действиям. Можно было бы согласиться с Министерством культуры, если бы МЦР не выполнял свои условия, данные Святославу Николаевичу Рериху, не сохранял, не популяризировал наследие, утратил значительную часть и так далее. Но на самом деле все выглядит по-другому. Для сравнения я приведу некоторые цифры, которые достаточно свидетельствуют о том, какой уровень культурной деятельности ведется МЦР. Вот, например, если мы возьмем единственную нашу организацию и все государственные музеи, где хранится наследие Рерихов. С 1992 года наш Центр провел более 500 передвижных выставок картин Рерихов по России и зарубежью.

Возьмем Государственный музей Востока. По данным музея Востока, с 1980 года всего лишь 36 выставок. Разница-то чувствуется, в 100 с лишним раз больше. А это картины – они должны работать, они должны соприкасаться со зрителем. Издание книг о Рерихах, измышления Рерихов о их жизни и творчестве. МЦР издал более 250 наименований книжной продукции – это из архива о Рерихах, исследования, тиражом более 500 тыс. экземпляров. В Государственном музее Востока не более 10 где-то книг.

А собирание наследия, музею предназначено и собирать наследие. Благодаря энтузиазму нашего генерального директора, связям и пожеланиям Святослава Николаевича Рериха и нашему уставу мы могли найти меценатов, которые купили за рубежом более 200 картин из разных источников, привезли в Россию и передали в дар Международному Центру Рерихов. Эти картины висят. Я не припомню, чтобы государство покупало. Да, было, были случаи, когда купили коллекцию Ростроповича и передали в дар государству. Но это общественная организация. А возьмите отношение к памятнику, где

находится музей. У нас музеи находятся в основном в памятниках архитектуры. Вот наш сосед, музей изобразительных искусств имени Пушкина, 20 с лишним лет ждал дотации государства, чтобы начать воссоздавать памятник. Мы же воссоздали памятник без копейки денег государственных средств.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

То, что сейчас, это сделали вы, да?

А.В. СТЕЦЕНКО

То, что сейчас, да. И государство, и Министерство культуры ни копейки не вложило в это дело. Это ведь показатели. Поэтому упреки, если они и будут, или есть, они и есть, и можно привести примеры, в том, что МЦР ненадлежащим образом относится к хранению наследия – это, я считаю, не соответствует действительности. Подтверждением деятельности нашего Центра, связанной с популяризацией наследия Рерихов, свидетельствует, какие награды от Президента, которыми была награждена Людмила Васильевна Шапошникова, и орден Дружбы, и "За заслуги перед Отечеством" по инициативе министров культуры, я хочу отметить, Благодарности Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, Генерального директора ЮНЕСКО, многих государственных видных деятелей – министров культуры, министров иностранных дел, мы только частично привели это все. А если взять последние два-три года, уже у нас были очень натянутые отношения с Министерством культуры, ведь мы провели грандиознейший проект в мире, который был направлен на популяризацию миротворческих идей Николая Рериха, "Мир через культуру". Мы провели этот проект в 17 странах мира, в России – 121 город, за два года. И это при помощи и поддержке общественности в регионах и на местах, опять-таки без финансирования Министерства культуры. Кстати, мы обращались в Министерство культуры, когда ушел Александр Алексеевич Авдеев, он был инициатором, тоже нас поддерживал, и мы провели этот проект в ЮНЕСКО,

чтобы Министерство культуры нас поддержало. Но, к сожалению, мы так эту поддержку и не получили.

Я думаю, здесь уместно привести цитату из выступления Министра культуры Натальи Леонидовны Дементьевой, во время торжественного открытия постоянной экспозиции музея 9 октября 1997 года. Что она сказала? "Мне хотелось бы, чтобы здесь (имеется в виду в общественном музее) были открыты курсы для многих других работников культуры и искусства, чтобы они учились, как можно работать без бюджета". Мы с 2013 года, когда случилось так, я не буду обсуждать эту тему, Борис Ильич Булочник был Председателем Правления Мастер-Банка, у него там своя история. Я его знаю как человека, который на протяжении более 20 лет финансировал музей. 13 ноября прекратилось полное финансирование музея. Музей был в шоковой ситуации. У нас был состав в пределах около 200 человек – это и международная, и научная, и культурная деятельность. Мы полгода держались за счет собственных источников финансирования и проводили программу "Пакт Рериха. История и современность". Провели ее в Генеральной Ассамблее ООН, во Дворце мира в Женеве, в Гааге, по России, получили грандиозное количество откликов и восхищений. Это самый мощный общественный проект в мире и в России. И что в ответ мы получили от Министерства культуры?

А в ответ мы получили то, что нас стали обвинять в экстремизме. Как это можно сравнить? Почему? Я понимаю, есть спор по наследству, по наследию. Мы всегда эти вопросы решали за столом переговоров и в суде. Но зачем нас выбивать из правового поля и создавать такую ситуацию, когда мы признаны организацией, которая сопротивляется власти, не выполняет решения власти. С 2014 года нас стали обвинять в экстремизме. Все эти проверки нас просто замучили. Если в 2015 году было пять проверок прокуратуры, то в 2016 году с апреля по сентябрь – 20 внеплановых проверок. Когда наш премьер-министр...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

С чьей стороны?

А.В. СТЕЦЕНКО

Со стороны государства. И, в основном, по требованию Владимира Владимировича Аристархова. Если премьер-министр везде говорит о том, что не надо «кошмарить» коммерческие организации, то как же в отношении общественных организаций, некоммерческих? В законе ничего не сказано. А ведь были проверки... Вы знаете, по телеграмме нас ночью проверяла милиция на предмет нахождения нелегалов с Украины. Были проверки, что у нас взрывоопасные баллоны, может взорваться всё здание и весь музей. А у нас оказалась самая лучшая противопожарная безопасность среди музеев.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Акты не оставляли вам?

А.В. СТЕЦЕНКО

Конечно. А в марте по требованию Владимира Владимировича нас проверяло на экстремизм Министерство юстиции. Я хочу даже поблагодарить руководство Министерства культуры, что оно заставило нас мобилизоваться и так работать. Но мы были выбиты из колеи полностью этот год. И Министерство юстиции установило, естественно, что мы не экстремисты, мы не иностранные агенты, а возникший спор с Министерством культуры находится исключительно в материальной плоскости. Я думал, все вопросы сняты. Но через месяц Музей Востока подает заявление, чтобы Министерство культуры проверило через Генеральную прокуратуру нас на экстремизм. Идут вбросы СМИ.

Вы понимаете, я могу долго-долго это продолжать. Вся эта нервозность выбивает полностью из правового поля и выводит как бы... Такое ощущение, что Министерство культуры борется с нами как с конкурентом, выбивая с поля, с рынка. Другого я не могу придумать, хотя... Смотрите, мы живем-то уже в новой России более 25 лет. У нас была одна

плановая экономика, сейчас у нас рыночная экономика. У нас была однопартийная система, сейчас многопартийная система. У нас и религиозные конфессии вы знаете, в каком состоянии были. Сейчас это мощные социальные институты общества.

А ведь в культуре все осталось по-прежнему. У нас никогда не было общественной формы культуры. И вот что интересно: и Николай Константинович Рерих, и Дмитрий Сергеевич Лихачёв, у них общие взгляды на активность общества в культурном строительстве. И кстати, и наш Президент придерживается таких же собственных взглядов. Если вы мне позволите, я могу просто зачитать. Ведь Рерих, смотрите, что говорил: «Дело культуры никогда не может быть лишь делом только правительства стран. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов. Поэтому народное общественное сотрудничество в деле культуры всегда необходимо для настоящего преуспевания». Дмитрий Сергеевич Лихачёв, создавая Советский фонд культуры, как говорил? «...необходима общественная мобилизация всех культурных сил нашей страны, объединение интеллигенции, создание по всей стране кружков, клубов, общественных организаций коллекционеров, краеведов, любителей тех или иных культурных занятий, искусств, философских споров или просто друзей того или иного исторического парка, музея, защитников старых архитектурных сооружений и ансамблей. Всего не перечислить».

Такую культурную обстановку в стране могут создать общественные организации. И тут нужно сотрудничество общественных организаций и органов власти в этом направлении. Вот Владимир Владимирович Путин, наш Президент... Я не буду приводить примеры. Можно привести пример из каждого совета по культуре его, которые он проводит...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Мы все участвуем в этом, знаем...

Слава богу, благодаря Президенту, конечно, и поддержке Министерства культуры (здесь никуда не денешься, конечно, стоит это сказать) были приняты Основы государственной культурной политики. И, слава богу, мы обрадовались. Там же очень много сказано о том, что нужно государству поддерживать общественные организации, работающие в сфере культуры. Вот, к примеру, делегировать государством часть полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам; поддержка общественных инициатив в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия страны; поддержка и развитие инициатив граждан по изучению, сохранению объектов культурного наследия; создание условий для образования и деятельности негосударственных культурных институций. Именно такой подход и нужен сейчас.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Мы с Владимиром Владимировичем были членами совета по подготовке основ, писали это, мощный документ получился.

А.В. СТЕЦЕНКО

Да я знаю, большие дискуссии. И это очень здорово. И ведь действительно, смотрите, сейчас очень серьезная ситуация в стране и в мире, чрезвычайно серьезная. У нас растет преступность, я не буду перечислять все эти...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Александр Витальевич, давайте будем завершать, как Вам видится выход из положения.

А.В. СТЕЦЕНКО

Я заканчиваю. И в этом отношении поддержка общественных организаций, которые за 25 лет уже доказали свою значимость в культурном пространстве, я считаю, очень выгодна и нужна государству.

Итак, предложение. Конечно, конфликт зашел слишком далеко в этой стадии. Я не хочу сейчас говорить, кто виноват, кто прав и так далее, нужно

все равно выходить, из этой позиции нет победителей, потому что проиграют все. Тут должна быть какая-то основа, на которой можно остановиться или вернуться назад, пересмотреть позиции и двигаться дальше. Мы подготовили предложения. Эти предложения, конечно, с нашей точки зрения, необходимы.

Вот мне задавала Светлана Петровна вопрос: а почему, например, вы не хотите в сложное время стать государственной организацией? Да с удовольствием бы, Светлана Петровна. Но наш опыт показал, что... И, кстати, прав был Святослав Николаевич, потому что мы на деле доказали, что мы можем работать. И сняли ведь огромную нагрузку с государства в этом отношении, вели и международную деятельность хорошую.

Поэтому второй вопрос...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Первое – статус. Вы считаете, что нужно сохранить статус общественной организации.

А.В. СТЕЦЕНКО

Конечно.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Первое Ваше предложение.

А.В. СТЕЦЕНКО

Конечно, необходимо сохранить статус общественной организации. Более того, это уже состоявшееся явление. Вокруг Центра сложилось огромное количество рериховских организаций по всей России, с кем мы сотрудничаем и ведем огромную социальную работу в этом плане.

Второй вопрос. Все-таки следует вернуться, я не согласен с тем, что здесь не просматриваются обязательства государства, данные Святославу Рериху. Они четко просматриваются и в постановлении Совета Министров, и в распоряжении Мосгорисполкома. Иначе бы зачем вдруг Совет Министров создавал бы общественную организацию? Я знаю мнение наших оппонентов, тогда было тяжелое время, а сейчас получше. Тогда, ну извините,

собственник такое принял решение, он передал для общественного музея. Музей создан, музей действует и так далее. Поэтому я считаю, это нужно оставить обязательно – обязательства Святослава Николаевича Рериха.

Наши оппоненты, Министерство культуры, говорят о том, что да они вот сейчас уже признают завещание 1990 года. Но, извините, Святослав Николаевич был собственником этого наследия, которое передал, и это сказано в завещании, что я могу изъять любую часть из советского фонда Рерихов. И он при жизни, а умер он 30 января 1993 года, когда узнал, что началась кампания (я не хочу вдаваться в историю), он изъявил свое желание и написал Президенту Ельцину. И Ельцин дал указание, была запущена машина. Министерство культуры готово было передать все нам – и усадьбу, и так далее. Но Святослав умер, все вернулось на круги своя. Надо восстановить этот статус-кво.

Но Министерство культуры обеспокоено сохранностью наследия, к примеру. И это понятно, можно понять. Допустим, была Людмила Васильевна Шапошникова, сейчас ее нет, там была надежность какая-то, сейчас нет, мы беспокоимся о сохранении культурного наследия. Но, позвольте, ведь контроль государства у нас двойной, и Министерство культуры... Если необходимо, можно предусмотреть любые механизмы, внести такие изменения в устав, которые бы свидетельствовали полную безопасность этого наследия.

Постановка полного наследия в негосударственную часть музейного фонда. Это дополнительный контроль Министерства культуры.

Необходимо ввести правление? Пожалуйста, мы готовы рассмотреть и Министра культуры или Владимира Владимировича Аристархова в правление нашей организации. Попечительский совет. Какие угодно можно придумывать механизмы, но общественная организация доказала, что она способна сохранять наследие, поэтому я считаю, что это надо оставить.

Я не буду все зачитывать, нет времени.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Потому что мы все это имеем на руках.

В.В. АРИСТАРХОВ

Но у нас есть... И мы, когда с Кириллом Евгеньевичем встречались в декабре (да, Кирилл Евгеньевич?), я тоже высказывал предложение о сотрудничестве. Потому что та позиция сотрудничества Министерства культуры – это позиция ультиматума. Государственное партнерство – вы отдайте всё, передайте усадьбу музею Востока, который уже начал процедуру нашего усиления через суды, и так далее. Это не партнерство. Это ультиматум. А я говорю о партнерстве, когда обе стороны рассматривают нашу работу, чтобы были соблюдены все права.

У нас очень много интересных идей. Когда Бокова (?) была у нас...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Александр Витальевич, время.

А.В. СТЕЦЕНКО

Всё. Я предлагаю и Совету Федерации поддержать наши проекты, и Министерству культуры. Они очень важны сейчас для России. Я заканчиваю. Спасибо большое.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Благодарю Вас. Просто все мы в теме. Все, что было возможно прочитать, прочитали.

Прямо сейчас, на задавая вопросы, я предлагаю заслушать Владимира Владимировича, а потом обсуждение вести, задавать вопросы всем, кто здесь.

Пожалуйста, Владимир Владимирович.

В.В. АРИСТАРХОВ

Уважаемая Зинаида Федоровна, уважаемые дамы и господа! Прежде всего, мы очень высоко ценим предложение к диалогу, которое здесь звучало. Это у нас самое главное, что мы сегодня рассматриваем.

Предложение прозвучало первый раз в письме, подписанным Александром Витальевичем от 3 октября. Мы на него ответили на нашем сайте и официальным письмом, что мы тоже призываем к диалогу на определенных условиях. И сегодня мы, наконец, видим ваши условия. Очень здорово, что все настроены на диалог. Наконец, мы к этому пришли. Жаль, что для этого потребовалось три года противостояния. И очень символично то, что это происходит именно здесь, в Совете Федерации. Мы благодарны Вам, Зинаида Федоровна, что Вы первая, кто смог добиться того, чтобы всё это не встало.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо. И я буду информировать Валентину Ивановну, она в командировке, но она знает.

В.В. АРИСТАРХОВ

Мы также ценим вклад Международного Центра Рерихов в сохранении нашей культуры, дела Рерихов и так далее. Мы это никогда не оспариваем. Все то, что написано, это чистая правда (в плане сохранения наследия). Мы благодарны вам за эту сделанную работу.

Я должен отметить то, что, конечно, я польщен вашим мнением, что я инициатор всех проверок, но это не так. Поверьте. К сожалению, ваши действия создали вам некую репутацию организации, которую следует проверять. Тем более что очень многие проверки показали довольно многие нарушения, не все они были беспочвенны, как вы говорите, далеко не все, а скорее, наоборот. Я не буду сейчас на деталях останавливаться. Я думаю, что мы потом приобщим к протоколу заседания акты проверок, которые мы с собой привезли, чтобы было понятно, что были основания проверять, и было немало недостатков.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Кстати, стенограмма ведется нашей встречи.

В.В. АРИСТАРХОВ

Тем не менее, мы работаем строго в правовом поле. Если вы заметили, мы не предпринимаем действия, которые блокировали входы в музей, мешали вам работать. Мы этого не делали никогда за эти годы, именно потому, что мы тоже стремимся к мирному решению вопроса, и мы тоже нацелены на сохранение наследия Рерихов и всей той работы, которую вела и Шапошникова, и сейчас Центр ведет все эти годы.

Исходные точки противостояния создали не мы. Не мы были инициаторами этой истории. МЦР инициировал судебный иск против Министерства культуры с требованием отдать ему коллекцию музея Востока, которая была ...*(неразборчиво)* несколько лет назад. Суды мы эти выиграли. Все остальное – это логика событий, которая нас заставила озаботиться сугубо той частью коллекции, которая осталась у вас, и всего остального.

Есть судебное решение о том, что вы не являетесь правопреемником Советского фонда Рерихов, вы не являетесь наследником Рерихов. Об этом есть решения суда, которые прошли все инстанции и они уже окончательные.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Оно есть?

В.В. АРИСТАРХОВ

Мы передадим его, конечно. Это решение было принято два года назад. Об этом мы пишем во всех наших письмах. И тем не менее мы снова слышим то, что нет, давайте, мы все это вернем в МЦР. Нет, мы это не вернем в МЦР. Это государственная собственность. Не готов решения суда пересматривать. Это невозможно даже и по закону.

Полученные предложения очень интересные, я их бегло посмотрел. Мы с коллегами дадим вам ответ. Они не подписаны, мы можем считать, что это официальное предложение?

Да.

В.В. АРИСТАРХОВ

Дело в том, что есть некоторые вещи, я даже не курирую... Допустим, пишется про удостоверение. Кино курирую не я, другой замминистра. Мне надо хотя бы выяснить, что там было с этим удостоверением. Требуется какого-то обсуждения, мы тогда дадим нашу позицию по всем этим вопросам или можем посоветоваться вместе с вами, чтобы был какой-то диалог.

Вместе с тем, мы не видим повода ухудшать наши позиции. В чем они состоят?

Первое. Коллекция является собственностью. Мы считаем, что это так, что это собственность не общественной организации, а государства. И она должна быть не внегосударственной, а в музейном фонде.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Это вся коллекция, да?

В.В. АРИСТАРХОВ

Было принято решение суда о том, что та коллекция, которая находится в музее Востока, – это собственность государства.

История, как говорится, одна и та же и той части, и другой. Думаю, что в скором времени будет аналогичное решение в отношении и второй части коллекции.

Повторяю еще раз, это не значит, что мы собираемся у вас все отбирать. У нас масса примеров, когда что-то находится в госсобственности, но оно передано в пользование кому-то, допустим, церкви. Мы с вами можем пойти по той же самой схеме. Но правовое основание – это собственность государственная на данное имущество.

Второе – по поводу здания. На сегодняшний день наша позиция какова? Это здание будет принадлежать музею Востока. И намеренно это звучит в судебном решении подтверждающе. Поэтому параллельно с диалогом мы продолжим судебные действия, но мы не намерены вас оттуда выселять. Мы намерены получить судебные решения, подтверждающие

наши права. Как вы работали, так вы и работаете. Это, думаю, всем уже понятно.

Третье – на чем тоже будем настаивать. Есть масса нарушений сохранности памятника, незаконные работы. Незаконное сохранение, не буду этот термин употреблять, но тоже есть вопросы, вы понимаете, о чем я говорю.

Есть незаконное вторжение на землю музея Востока, вами совершенное, – это подкоп под их территорию.

Нам бы хотелось так: чтобы нарушения закона были устранены. Опять же, мы не имеем права занимать иную позицию.

Следующее, что мне кажется важным. Мы не считаем МЦР монополистом в отношении наследия Рерихов. К сожалению, из ваших публичных обращений это следует, что вы единственные, кто имеет право от имени Рерихов что-то говорить. Это не так. Кроме вас, есть масса инфронизаций, они тоже нам пишут письма. Есть музей Востока, который успешно все эти годы тоже делает огромную работу по сравнению наследия Рерихов. Я бы не стал ее недооценивать.

Да, у них было меньше выставок формально, но именно ресурсами Мастер-Банка (Булочника) они, кроме Рерихов, имеют массу других проектов и так далее. Они все эти годы делали работу не только с Рерихами и масштабных работ не меньше, чем у вас, просто они не только Рерихами занимаются.

Соответственно, потребует какого-то обсуждения вопрос: уместно ли считать данное здание только вашим, или было бы правильно, чтобы и другие организации имели возможность ...*(неразборчиво)* вместе с вами и как-то его использовать. Мы бы хотели этот вопрос с вами обсудить.

Следующая тема, которая, мне кажется тоже очень важной, я обязан ее озвучить. Ни одно наше учреждение, в том числе музей Востока, не занимается пропагандой какой-то идеологии. Они занимаются охраной

культуры, сохранностью памятников. Если мы говорим о том, что на площадке музея Востока (а здание ему принадлежит, значит, она таковой является) хранится наследие Рерихов – это прекрасно, «Пакт Мира» (?) – прекрасно, но если мы начинаем на площадке заниматься пропагандой некоего учения идеологического, религиозного – вот это требует обсуждения. Не факт, что мы сможем дать на это формальное согласие. Не знаю, как из данной ситуации выйти, но нам необходимо ее обсудить. Пока просто не знаю, как быть, требуется совместное обсуждение и диалог.

Из всего того, что здесь изложено, мне больше всего кажется перспективным предложение сделать совместную выставку.

Мы могли бы, мне кажется, делать одновременно две вещи: вести какой-то диалог и готовить эту выставку по аналогии с Серовым, с Айвазовским, что-то в сопоставимых масштабах. Такого не было никогда, по-моему, я не помню. Можно я закончу?

Я думаю, что даже независимо от всех наших взаимных противостояний, споров и так далее выставку можно было бы сделать сейчас. Мы готовы изложить бюджет будущего года (необходимое финансирование), обсудить вашу долю этого финансирования или ваше иное какое-то участие и сделать это, невзирая на другие наши обстоятельства, привлекая сюда и музей Востока, и другие музеи (частные и государственные), имеющие отношение к наследию Рерихов в России и за рубежом.

И в отношении диалога. Давайте мы решим, с кем вам было бы комфортно вести этот диалог с нашей стороны, поскольку есть какое-то удобство общения. Мы бы предложили на роль такого участника диалога музей Востока. Если вы кого-то там знаете, с кем вам нормально общаться, чтобы без каких-то конфликтов, без какого-то прошлого багажа ненужного, то мы готовы поручить музею Востока дать этого человека, чтобы он с вами беседовал и хитро переговоры вел по всем вопросам.

Наше министерство эту тему будет вести, советник министра Рыбак, он у нас ведет сложные юридические вопросы, соответственно, у вас вопрос тоже сложный, поэтому он будет оказывать необходимое содействие. Вот наше предложение, главное в котором – это продолжение диалога.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, может быть, тогда сейчас перейдем в стадию вопросов. Если необходимо что-то уточнить, то мы могли бы задавать вопросы и Александру Витальевичу, и Владимиру Владимировичу.

Светлана Петровна, я чувствую... Пожалуйста.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Да. У меня есть вопросы и к Александру Витальевичу, и к Владимиру Владимировичу. Я хочу сказать, что у меня есть книги Рериха, я читала их, это, конечно, очень интересно, такая восточная теософия. Видела картины, хотя не могу сказать, что я прямо в этой теме, поэтому я извиняюсь, если немножко буду проявлять свою некомпетентность в этих вопросах. Но меня больше интересуют чисто юридические вопросы. Я сначала, Александр Витальевич, Вам задам вопросы. Скажите, пожалуйста, сколько сегодня работает в Центре? На какие финансовые ресурсы? Сколько у вас бюджет и какая зарплата? Вот первый вопрос, который я задаю. Потому что это тоже вопросы, мы должны знать на них ответы.

А.В. СТЕЦЕНКО

Конечно, это наша открытая информация. Мы сократились, у нас сейчас на финансовом обеспечении находится около 100 человек. Средняя месячная заработная плата – в пределах 14 тыс. рублей. У меня оклад вице-президента – 60 тысяч, я получаю 15 тысяч. Вы знаете, мы хотели сокращать...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Все же ответьте тоже: а откуда финансирование?

А.В. СТЕЦЕНКО

Сейчас объясню. Финансирование идет, нам очень здорово помогают общественные организации. Наша налоговая инспекция (ФНС № 4) по просьбе Министерства культуры проверяет с апреля, помощь. Что она закончила – это все в кассовую дисциплину, все наличные прохождения денег, никаких замечаний, есть акт. Меня вызывали несколько раз на допросы и спрашивали: "А где ваши финансовые потоки?", потому что бытует мнение, что нас Борис Ильич до сих пор снабжает финансовыми потоками. Нет никаких финансовых потоков.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Скажите, сколько у вас бюджет?

А.В. СТЕЦЕНКО

У нас заработная плата вместе с налогами – в пределах 1,3 миллиона.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Это в месяц?

А.В. СТЕЦЕНКО

Да, 1,3 миллиона в месяц. Помогают нам где-то 1,5–1,8 миллиона общественные организации России, многие, кто участвовал и не желает, чтобы музей распался. Есть благотворительные взносы от организаций. И таким образом у нас ежемесячный бюджет – где-то в пределах 3,5 миллиона. Но я хотел бы, Светлана Петровна, подчеркнуть, конечно, зарплата мизерная, но вот сидит Елена Александровна, она не даст соврать, сколько я проводил совещаний с трудовым коллективом и говорил, что руководство не может платить денег, мы вынуждены сокращаться. И сотрудники мне просто говорят: Александр Витальевич, мы уйдем в отпуска без содержания. У нас 30–40 процентов людей находится в отпусках без содержания, но продолжают работать. Многие пенсионеры продолжают работать, чтобы не потерять связь с Центром. Поэтому тут...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Я поняла, спасибо. Я извиняюсь, что прерываю Вас. Еще скажите, пожалуйста: в здании Лопухиных (потому что о нем тоже идет речь) кроме вас кто-то еще размещается или нет?

А.В. СТЕЦЕНКО

Нет.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Только вы одни.

А.В. СТЕЦЕНКО

Мы одни размещаемся. Министерство культуры подозревало и музей Востока (в месяце по две проверки), что здесь находится лига защиты культуры, Благотворительный фонд имени Елены Ивановны Рерих.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

А площадь какая всего здания?

С.П. ГОРЯЧЕВА

1900 кв. метров.

А.В. СТЕЦЕНКО

У нас уже больше, потому что мы реставрировали подвалы, очистили их, мансарду над флигелем. Я сейчас не могу точно сказать, два здания, побольше.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Скажите, а как вы все же обеспечиваете охрану? Потому что это действительно бесценные работы.

А.В. СТЕЦЕНКО

Бесценные работы, у нас... Светлана Петровна, Кирилл Евгеньевич проверял и отметил, что у нас очень высокий уровень охраны, если я не ошибаюсь, он может подтвердить. Мы представляли... пятиуровневая охрана. Каждая картина под охраной, комнаты под охраной, музей сдается под охрану, вневедомственная охрана, сигнализация, да еще собственная охрана.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Все понятно. И скажите, пожалуйста, тогда. Я почитала внимательно, конечно, тоже, весь вечер вчера сидела, смотрела вот эту хорошо сделанную монографию, или брошюру. Я все же так и не нашла ответа на вопрос из документов, которые есть, который касается статуса. Нигде точно не сказано, что вы общественная организация. Там сказано, что... одной фразой, но не там, где говорится о статусе, о присвоении вам статуса, – а предоставить этой общественной организации предоставить льготы (налоговые льготы и другие). Понятно, что все это выражено неясно. Понятно, почему неясно – потому что это было в то время, когда, извините, к этому никто серьезно не относился. Это всё понятно.

А.В. СТЕЦЕНКО

Даже закона об общественных организациях нет.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Я все же не могу понять, почему государственный статус вас не устраивает. Я почитала внимательно то, что смогла, по поводу завещания Рериха. Там я нигде не нашла, чтобы он настаивал только на том, что это должно быть чисто общественное. Я не могу понять, почему вы отказываетесь от государственного все же здесь такого большего влияния. Вот я хочу понять, услышать от вас, почему? Что тут плохого?

А.В. СТЕЦЕНКО

Светлана Петровна, я Вам объясняю. Здесь нет ничего плохого. И мы не против государства. Но волю собственника, который передал безвозмездно для России, такого случая не было...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Но он для России передал, а не для общественной организации, понимаете?

А.В. СТЕЦЕНКО

Но у него было условие – создать общественный музей. Мы основные положили документы. Здесь есть выступление Святослава Николаевича Рериха. Вы не хотели обратить внимание на его публикацию в "Советской культуре"...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Да я просто без очков...

А.В. СТЕЦЕНКО

Здесь есть выступление...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Здесь я помогу. Он говорит: «...подчинение Центра Министерству культуры, а тем более Музею искусства народов Востока повело бы к неоправданному, на мой взгляд, заведомому сужению задач и возможностей Центра. Центр должен, по-моему, обладать значительной независимостью, гибкостью, возможностью функционировать поверх ведомственных барьеров, используя новые, нетрадиционные подходы, напрямую выходя на международное сообщество. Суть концепции Центра-Музея в том, что наиболее оптимальное его функционирование может быть в статусе общественной организации...»

И еще. 23 года я возглавляю общественную организацию – центр народной помощи «Благовест». Мы третьи были, кто получил этот потрясающий статус, он дается ООН только общественным организациям, – статус ЭкоСоС при ООН, консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН.

А.В. СТЕЦЕНКО

А мы в 1992 году получили статус DPI – Департамента общественной информации.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Да, ну, может быть.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да. Уточняем, да.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Просто я в документах, постановлениях Правительства, я там не нашла, чтобы это было всё так выражено.

И вопрос теперь уже у меня к Владимиру Владимировичу, чтобы больше не задерживать. Вы сказали, это Ваша фраза: уместно ли, чтобы здание принадлежало только Центру? Там 1,9 тыс. кв. метров. Что вы хотите? Кого-то туда еще, что ли, к ним заселить? Мне кажется, что это не такая большая площадь, чтобы вообще... Если мы говорим о том, что все же сохранить там за этим Центром... Что вы там хотите все же, скажите?

В.В. АРИСТАРХОВ

Ну, во-первых, мы бы хотели так, чтобы там была представлена коллекция Рериха не только МЦР, но и Музея Востока, – чтобы было больше Рериха, чем сейчас.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

А у Музея Востока нет своих площадей?

В.В. АРИСТАРХОВ

Идея была – сделать... Поскольку коллекция, она большая, если взять ее в целом (и то, что у МЦР, и то, что у Музея Востока), – неплохо было бы ее объединить. В этом состояла идея и решение коллегии, что мы в данном здании обеспечим создание чего-то большого именно в честь только Рерихов.

Музей Востока – это один зал, два зала, что, конечно, не хватает, для того чтобы полностью отразить все величие Рерихов, которое мы совершенно не оспариваем. Там больше места мы не выкроем. При наличии целого здания, которое занимается именно Рерихами, была замечательная возможность сделать так, чтобы там было еще больше Рериха, чем сейчас. То есть мы хотим не убрать оттуда Рерихов, а добавить туда Рерихов. В этом была наша идея.

В плане управления этим зданием. Мы не предлагаем сделать так, чтобы МЦР был государственным... Это и не нужно, невозможно, и это, правда, буквально противоречит воле Рериха, которую мы тоже не хотим здесь в этой части подвергать сомнению. Какие у нас возможны варианты? Я сейчас импровизирую, потому что это требует проработки юристами, но это возможно, что при условии признания права государства на это здание и на ту часть коллекции, которая была ввезена Рерихом и по которой есть судебное решение в отношении второй ее части (не оспаривая принадлежность МЦР всего остального, что вами было приобретено, мы совершенно на это не претендуем), можем сделать какое-то соглашение между общественной организацией и государством о том, что она занимается данной коллекцией, общественная организация, оговорив права доступа туда и права участия в управлении Музея Востока, чтобы там могла быть и его коллекция тоже Рерихов, раз, а также оговорив права иных организаций рериховских, которых у нас в России, повторяю, много, не один МЦР, по пользованию данным зданием, по проведению ими мероприятий, по экспонированию ими их выставок и так далее.

Это все обсуждаемо. Мне кажется, могли бы, двигаясь по этому пути, найти какой-то консенсус по этому поводу.

Более того, если мы беремся всерьез за поддержку Рерихов, то мы, наверное, должны нести какое-то финансовое участие в этой ситуации, особенно учитывая проблему мастер-банков и все остальное. Если здание принадлежит музею Востока, то это основание, чтобы он финансировал то, что в этом здании находится, но опять же на обоюдных наших условиях. Вот мне кажется, что мы могли бы думать как-то в этом направлении, которое позволило бы все это учесть.

С.П. ГОРЯЧЕВА

На договорных, да?

В.В. АРИСТАРХОВ

Конечно.

А.В. СТЕЦЕНКО

Можно мне пару слов сказать по этому поводу, отвечая на вопрос?

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Пожалуйста.

А.В. СТЕЦЕНКО

Во-первых, усадьба не находится в собственности МЦР и не находилась. Это собственность государства, было правительство Москвы, сейчас эта собственность Российской Федерации. У нас в безвозмездном пользовании здание и аренда земли до 2044 года. Поэтому не наша собственность.

В.В. АРИСТАХОВ

Извините, не совсем так. Михаил ...*(неразборчиво)* может поправит, если я правильно помню, это здание сейчас находится не у Российской Федерации, а у музея Востока, оно передано ему.

С МЕСТА

Оперативное управление.

А.А. АРИСТАРХОВ

Вы там находитесь на основании именно договоров, стороной которых является (уже у нас кто?) музей Востока, по-моему.

К.Е. РЫБАК

Ситуация такая. Между Международным Центром Рерихов и Москвой были заключены договоры аренды зданий (на четвертое и седьмое строение). После того как у Международного Центра Рерихов образовалась задолженность порядка 20 с лишним миллионов по арендной плате, правительство Москвы (по неведомым мне причинам) перезаключает договоры безвозмездного пользования. То есть долг списывается. И дальше между Москвой и Международным Центром Рерихов имелись договоры

безвозмездного пользования. Наличие задолженности по арендной плате подтверждается письмами правительства Москвы, чтобы не вести дискуссию на сей счет.

После того как здание было передано в федеральную собственность и закреплено в оперативном управлении Государственного музея Востока, Международный Центр Рерихов продолжал и продолжает являться пользователем этого здания в соответствии с ранее заключенными еще с Москвой договорами безвозмездного пользования, потому что смена собственника не влечет изменения прав и обязанностей сторон, которые являются пользователями этого здания. Вот и вся история.

В ходе проверки Мосгорнаследия были выявлены нарушения действующего законодательства в области охраны и сохранения памятников, что является основанием для расторжения этих договоров в соответствии с условиями этих договоров. В соответствии с этим были поданы иски в суд по трем строениям. Обратите внимание, четвертое и седьмое, в отношении которых у Международного Центра Рерихов есть договоры безвозмездного пользования, и по строению пять, правовые основания нахождения МЦР в котором мне неизвестны, по крайней мере договоров ни с Москвой, ни с РФ не заключалось в отношении пятого строения. А это пятое строение является федеральной собственностью, переданной также в оперативное управление Государственному музею Востока.

Также следует отметить, что в этих зданиях (пятое строение) зарегистрировано порядка шести юридических лиц разных организаций. Причем дополнительно была проведена регистрация, юрадреса предоставлялись.

А.В. СТЕЦЕНКО

Извините, пожалуйста, но я не могу это слушать. Это же ложь, Кирилл Евгеньевич.

К.Е. РЫБАК

Можно я договорю? Александр Витальевич, будьте любезны, я договорю, потом Вы можете сказать, что я не прав, я передергиваю факты. Я каждое слово, которое говорю, могу подтвердить фактурой – бумагой либо налоговой инспекции по части регистрации юрадресов, либо письмами правительства Москвы по наличию задолженности по арендной плате, либо актами проверки Мосгорнаследия, которые я вам, кстати, потом отдам. Вот они лежат.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Ну, а договоры-то сами есть?

К.Е. РЫБАК

Договоры безвозмездного пользования...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Договор аренды.

К.Е. РЫБАК

Пользования. У них была аренда, потом Москва перезаключила на договоры безвозмездного пользования. Они сейчас есть.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Понятно. Но Вы говорите, что там сторонние организации находятся.

К.Е. РЫБАК

Это вопрос не ко мне. Я знаю, что из налоговой инспекции есть информация, что по этим адресам зарегистрированы третьи юрлица. Я не знаю, кто. Ни Российская Федерация, ни музей Востока точно.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Но надо вот разобраться Вам с этим, потому что это тоже так...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Кирилл Евгеньевич, Вы действительно заканчивайте.

К.Е. РЫБАК

Да, извините. Я реплику длинную сказал.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Но я все-таки сразу, раз уж стали. Я еще читаю: «Я хотел бы просить лично Вас (обращение Рериха к мэру Москвы) оказать помощь в передаче усадьбы Лопухиных на баланс или долгосрочную аренду с правом субаренды Международному Центру Рерихов». Видимо, после этого и последовало подписание документов, которые..., конечно, я их тоже не вижу здесь.

Пожалуйста, Кирилл Евгеньевич, что еще Вы хотели сказать.

К.Е. РЫБАК

По реплике все. А какие вопросы будут, готов ответить.

А.В. СТЕЦЕНКО

Я могу еще раз?

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Пожалуйста.

А.В. СТЕЦЕНКО

Уважаемые коллеги, я готов сказать и если есть решение суда, я бы попросил Владимира Владимировича, чтобы он процитировал, где написано о том, что Международный Центр Рерихов не имеет права владеть наследием Святослава Николаевича Рериха.

Мосгорсуд в 2014 году 20 июня действительно отказал Международному Центру Рерихов в удовлетворении заявления о признании факта получения наследственного имущества на основании завещания Святослава Николаевича Рериха. Но в этом решении суда ни слова не сказано о том, что наследие Рерихов незаконно находится в Международном Центре Рерихов и, более того, что это наследие должно принадлежать государству. Это, извините, некоторое лукавство.

Я сейчас объясню. Вопрос заключается в том, что мы в судебном процессе находились с Министерством культуры с 2002 года по завещанию. Этот долгий спор мы всегда решали цивилизованно в суде. Да, действительно, суд признал, что мы считали это дополнением к завещанию

Святослава Николаевича, документ от 22 октября 1992 года – дополнением к завещанию. Там есть роспись Святослава Николаевича и подпись нотариуса, но отсутствует вторая подпись. И факт есть факт. Следовательно, суд подошел исключительно формально. На момент 1993 и 1992 года мы не можем себя считать наследниками.

Но позвольте вас спросить, уважаемые коллеги. Многие имеют юридическое образование. А скажите: права собственности возникают лишь только на основании завещания? Если я вам завещаю машину или квартиру и говорю о том, что вы владеть будете, но будете владеть только после моей смерти, что я, за это время не могу продать, изъять, передать или подарить свою квартиру или машину? Могу. Это право собственника. И Святослав Николаевич, когда узнал, что Министерство культуры начало процедуру признания МЦР не правопреемником Советского фонда Рерихов, вот тогда он четко изложил свою позицию и к Президенту Российской Федерации, и к мэру Москвы, и к господину Хасбулатову, и во все рериховские организации, где четко определил, что МЦР он объявляет собственником наследия, и у нотариуса подтвердил права.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да, это есть на самом деле.

А.В. СТЕЦЕНКО

Так вот в соответствии с законом Индии этот документ является документом правопередачи. Конечно, Министерство культуры, наши оппоненты, не хотят это признавать. Это разговор дискуссионный, юридический и так далее, но говорить о том, что у нас незаконно находится наследие, – я бы не сказал. И нет ни одного решения суда, Владимир Владимирович и Кирилл Евгеньевич, которое бы подтверждало, что государству принадлежат права хоть на какую-то часть наследия. Этого нет, к сожалению. Поэтому не вводите в заблуждение, пожалуйста, аудиторию.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо.

А.В. СТЕЦЕНКО

И еще один момент. Можно?

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да, пожалуйста.

А.В. СТЕЦЕНКО

По поводу усадьбы. Вы знаете, да, конечно, МЦР вложил силы, средства, организовал работу и воссоздал усадьбу. В декабре прошлого года я Кириллу Евгеньевичу говорил (наверное, он передавал Владимиру Владимировичу): конечно, в одном здании невозможно поместить два музея, это абсурдная ситуация, потому что весь музей, экспозиция продумана и сделана. Но я сказал, что по утвержденному плану правительства Москвы мы должны были поставить еще два корпуса на территории усадьбы, и я предложил: давайте сотрудничать, давайте, Министерство культуры, постройте... У нас по плану был...

С МЕСТА

Каретник построить.

А.В. СТЕЦЕНКО

...каретник и регенерация хозяйственных построек. И пожалуйста, размещайте рядом экспозицию из музея Востока, и будет рядом и государственный, и общественный музей. Но вы же отказались это делать и через два месяца приняли решение о создании в главном доме государственного музея. Коллеги, поэтому... Мы готовы на сотрудничество.

И последнее – согласие. Нужно создавать комиссию. Я готов разговаривать со всеми, и обсуждать эти вопросы, и сотрудничать. И параллельно надо, конечно, начинать эти проекты. Они сейчас очень важны для России – и международный проект "Мир через Культуру", одобренный

генеральным директором ЮНЕСКО Ириной Боковой, когда она в прошлом году приезжала в Москву и встречалась с Людмилой Васильевной...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да, в 2015 году, я знаю.

А.В. СТЕЦЕНКО

Этот проект – это исключительно проект Людмилы Васильевны презентовать в Москве совместно со всеми государственными музеями колоссальное наследие Рерихов, показать не только художественную часть, но и научную, экспедиционную, общественную, философскую. Это уникальнейший проект, который можно осилить только общим миром, чтобы наш народ узнал, что стоят Рерихи для нас.

Поэтому, Владимир Владимирович, давайте будем встречаться, обсуждать, потому что у нашей организации идей много. Конечно, если бы Совет Федерации взял еще патронат над этим, я был бы очень благодарен, мы бы продвинулись в популяризации этого ношения.

Спасибо.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо.

Пожалуйста.

К.Е. РЫБАК

Мы должны все четко понимать, что наследие Рерихов двучастно: это произведение искусства, которые могут нам нравиться, не нравиться (это искусствоведческая тема); второе – визионерские философские, можно сказать, воззрения Елены Ивановны Рерих, которые активно пропагандируются Международным Центром Рерихов, в том числе и под эгидой, скажем так, разных культурно-просветительских проектов популяризации творческого наследия Рерихов. Эта тема больная, проблематичная. Если вы посмотрите на сайте различных рериховских организаций, которые финансирует Международный Центр Рерихов, как вы

и сказали, они активно продвигают это учение Живой Этики, Агни-Йогу. Следует отметить, что архиерейским собором она отнесена к сектантству, и мы получаем письма от граждан, которые, наоборот, не разделяют пропаганду этого учения в образовательных учреждениях и активную его популяризацию. Поэтому надо четко понимать, что популяризация творческого художественного наследия – это одна история, а пропаганда религиозно-мистических визионерских взглядов Елены Ивановны Рерих (их можно по-разному называть)... Если вам интересно, я могу вам просто цитаты привести из ее трудов, но стоит довольно-таки настороженно относиться. И тема в связи с экстремизмом, которая уже звучала у Александра Витальевича, лежала в основе заявления руководителя украинского рериховского общества, некоего Козара, который довольно критично оценивал действующую власть Российской Федерации и подвергал критике существующее устройство. Украинское рериховское общество на тот момент являлось членом Международного Центра Рерихов. Является ли сейчас – не знаю, но с сайта по крайней мере убрали информацию, что УКРО является членом МЦР.

То есть проблема сохранения наследия Рерихов не так плоскомерно восприниматься должна, как есть на самом деле. Я никоим образом не выступаю за идею запрещать изучение Учений ("Учений" пишется с большой буквы сторонникам рериховской организации). Нет, но надо давать ему критическую оценку и давать возможность все-таки выбора, потому что, когда дети приходят на какие-либо культурно-массовые мероприятия в тот же Центр Рериха, вы размещаете об этом информацию. В общем-то, на мой взгляд, достаточно неоднозначные можно давать оценки ценности проводимых мероприятий и того, что получают дети в результате этого. Я не эксперт, поэтому я делаю свое профанное заключение в этой среде. Все могут ознакомиться с этими материалами на сайте Международного Центра Рерихов на самом деле.

Спасибо.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо, Кирилл Евгеньевич.

Может быть, на данном этапе еще Виктора Викторовича послушаем?

Все-таки он у нас историк и вникал глубоко во все это.

В.В. КОНДРАШИН

Большое спасибо.

Глубокоуважаемая Зинаида Федоровна, глубокоуважаемые коллеги! Я оказался здесь волей судеб, поскольку я представитель от законодательной власти Пензенской области и там долгое время был депутатом Законодательного Собрания. И мне приходилось многие годы сотрудничать с пензенским отделением рериховского общества. Кстати, это отделение находилось у нас в городе Заречном, городе-спутнике, центре ядерной атомной промышленности, интеллигенции и, я бы сказал, очень умных деток. Я еще курировал разные детские конкурсы, олимпиады, поэтому мне регулярно приходилось быть на этих мероприятиях. Честно скажу: я там даже такого слова не знаю – Живая Этика. Вот я когда здесь был в музее, мне об этом сказали. Мне нравились картины Рериха, допустим, в них столько православия, столько государственности. Я написал две статьи о том, как Рерих реагировал на Великую Отечественную войну. То есть, поверьте мне, его картины я люблю, они вселяют оптимизм, они формируют самые лучшие качества людей, они приносят радость. Поэтому вот его наследие – это, безусловно, позитив. И поскольку я детский конкурс рисунков в Пензе курировал, дети обычно рисовали по мотивам Рериха, я не видел никакого там экстремизма и пропаганды никакой.

Я видел другую пропаганду: допустим, у нас в Пензе (я говорю за свой регион, я и за другие регионы знаю) была выставка Пакта Рериха, и приходили туда школьники, наше Министерство культуры Пензенской области организовывало это все. Почему? Потому что, естественно,

специалисты посмотрели... Причем я историк и считаю себя таким патриотом-государственником и не приемлю все вот эти попытки подорвать чувство исторического оптимизма, патриотизма, любви к России и распространение всякой дряни, которая у нас оттуда идет, поэтому...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Здесь, мне кажется, и очень смело выступил наш Министр культуры.

В.В. КОНДРАШИН

Да. В этом смысле я с ним полностью согласен, особенно в этой нашей книге по основам государственной культурной политики, которую мы подготовили, там выступление нашего высокоуважаемого Министра культуры как раз на эту тему, и я с ним полностью солидарен.

Поэтому мне кажется, что... Вот я представитель региона, я могу так сказать: я не слышал, чтобы в регионах была какая-то негативная реакция по поводу этих детских конкурсов. Более того, вот эти люди, которые занимаются Рерихом, я их вижу, я сам представитель интеллигенции, это такие чистые, светлые люди, там сказать, что они сектанты – не знаю...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Вот Вы были на конференции совсем недавно.

В.В. КОНДРАШИН

Да, конечно. Я вот видел, там сидели вполне нормальные люди, которые озабочены главным – распространением именно лучших образцов нашей отечественной и мировой культуры, каковым, безусловно, является наследие Рерихов. Это первое, что я хотел сказать.

Дальше. Я вот Владимира Владимировича поддерживаю, я считаю, он "золотые" слова сказал здесь, и для меня это такое большое событие, что Министерство культуры предлагает действительно совместную работу – это самое главное.

Вот мы же с вами все уже люди опытные, понимаем, как можно решить те или иные проблемы – какую-то совместную работу делать. Вот

когда начнешь делами заниматься совместными, полезными, понимаете, все основные проблемы начинают решаться уже в процессе, потому что люди начнут в глаза друг другу смотреть, организовывать эти выставки, проводить встречи.

То есть я считаю, что совместную выставку Рерихов, конечно, нужно готовить и сделать ее большим событием в нашей культурной жизни. Поэтому это, я считаю, самое важное, что я сегодня услышал, что есть желание Министерства культуры идти на сотрудничество с Международным Центром Рерихов и Международный Центр Рерихов тоже готов идти на сотрудничество, и это очень здорово.

И последнее, о чем я хотел бы сказать. Я вот не специалист, честно скажу, мне как-то трудно говорить на эти темы, я не музейный работник, но мне, например, казалось всегда, что от добра добра искать не надо. Вот если работают люди, допустим, если нормально организована экспозиция, да, есть недостатки, но недостатки есть везде, и можно накопать все. И если мы сейчас начнем вот эту инвентаризацию в масштабах всей страны, я знаю, у нас и в Пензе, и везде постоянно есть какие-то проблемы по этому хранению и тому подобное. Но если, например, там охрана организована надлежащим образом, – это многого стоит, потому что это бесценные сокровища России и мировой культуры, и если там есть нормальная охрана, есть коллектив.

Вот я об этом снова хочу сказать. Вот меня что больше всего волнует? Вот сейчас честно скажу, меня волнует больше всего то, что иногда наша власть не уделяет или не считает должным бережно относиться к специалистам, к профессионалам, к тем, кто жизнь положил на культуру, на науку. И вот я, я же случайно попал в этот музей, честно скажу, просто я люблю картины Рериха, и в Пензе я всем говорил, что мне нравятся его картины, и поэтому я поддерживаю ваше движение, потому что я не вижу ничего плохого в этом. Хотя, может быть, вы правы, может, стоит посмотреть.

Я, кстати, специалист по украинскому "голодомору", я всю жизнь с украинскими националистами борюсь, я знаю, какая это неприятная, мерзкая публика, и я вас полностью поддерживаю. Они, может быть, и специально это сделали, чтобы «нагадить» нам, и Центру Рерихов написали все это, потому что наши русские не писали ничего, а эти взяли и написали, поэтому им верить тоже особо не стоит, у них свои есть цели, это провокаторы и враги России.

А вот что касается музея, я считаю, что если есть музей, если там есть коллектив, квалифицированные люди, я же видел ваших сотрудников, какие замечательные женщины там, всю жизнь там они работают, и вот я боюсь... Я и тогда, когда (помните, Владимир Владимирович?) мы же все-таки переговорили тогда с Николаем Филипповичем и с министром многоуважаемым, я же ему сказал о главном, вот что меня больше всего волнует, – как бы вот люди не пострадали, не пострадали специалисты, которые действительно всю жизнь проработали.

И вот тоже Александр Витальевич, человек всю жизнь положил на это дело, что же мы будем так ломать через пень колоду. Может быть, действительно стоит посмотреть друг другу в глаза, поговорить и дальше продолжать диалог. То есть это сложная проблема, сразу ее решить трудно, мне кажется, трудно это сразу сделать. Здесь и юридические моменты, и политические, я с вами согласен.

Поэтому, мне кажется, нужно продолжить этот диалог. А самое главное – начать совместную работу по пропаганде достижений.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо.

Николай Филиппович, Вы желаете добавить что-то?

Н.Ф. ВАЩЕНКО

Вы знаете, Зинаида Федоровна, я знаю Ваши чувства, я тоже очень сильно переживал. И сегодня услышал очень много такого хорошего встречного движения. И это очень отраднй момент.

Мы очень внимательно изучим стенограмму. Мы доведем до сведения каждого участника. Мы вместе, наверное, Зинаида Федоровна, Вы, конечно, предложите формулу конечную рабочего совещания, но мы подумаем над тем, как зафиксировать те договоренности. И по согласованию сторон, только после этого раздадим этот материал уже как некий инструмент для того, чтобы диалог, начавшийся сегодня, был продолжен. И то сотрудничество, которое намечается, чтобы оно тоже было зафиксировано в соответствующем документе. Вот такое предложение.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо.

Я только хочу уточнить. Владимир Владимирович, но решение коллегии министерства в конечном итоге уже принято?

В.В. АРИСТАРХОВ

Да.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

И его главная суть?

В.В. АРИСТАРХОВ

Суть в том, чтобы у нас вместо двух маленьких комнат в музее Востока и отдельного здания там, был некий центр, в котором действительно общество и государство занимается Рерихом.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Но если сам даритель делает осторожную запись по поводу музея Востока, зачем соединять несоединимое? Зачем? Объясните, Владимир Владимирович, просто.

В.В. АРИСТАРХОВ

Мы не сможем финансово участвовать в поддержке...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Только потому, что музей Востока государственный.

В.В. АРИСТАРХОВ

... не имея на это оснований. Никаких оснований правовых. Это собственное здание – раз. И определенный режим использования(?). Если у нас этого нет, то на каких основаниях будет участвовать... *(Микрофон отключен, не слышно)*.

А.В. СТЕЦЕНКО

Мы же не просим вас участвовать в финансировании МЦР. Вы могли бы ...(?) проекты, это самое важно, в которых вы могли бы работать. Мы поддержим государственные музеи. Пожалуйста, Места в Москве много. Но почему там, где трудом общественности все создано? Ведь это же разрушить веру людей, общественности в то, что они могут трудиться и получать результаты труда. Зачем?

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Светлана Петровна, я хотела Вас тоже попросить.

В.В. АРИСТАРХОВ

Наша была идея – сделать единую коллекцию под единым управлением в данном здании.

А.В. СТЕЦЕНКО

Так давайте построим здание рядом. Есть место, проекты есть. И разместим коллекцию из Государственного музея Востока. Пусть будет государственный музей в одном здании, в другом здании будет общественный музей.

В.В. АРИСТАРХОВ

Но это и сейчас есть.

А.В. СТЕЦЕНКО

Нет, этого нет. Вы же в этом здании, где находится экспозиция... Есть документы коллеги, там четко расписано: размещается государственный музей.

В.В. АРИСТАРХОВ

Видите ли, поскольку мы иначе расцениваем решение суда, мы как раз считаем, что решение суда, которое отказало вам в попытке изъять государственную собственность наследия Рерихов...

А.В. СТЕЦЕНКО

Мы не изымали у государства.

В.В. АРИСТАРХОВ

Минуточку. Давайте я еще раз тогда напомню. Вся эта история началась из-за вашей попытки изъять у музея Востока данную часть коллекции Рериха, которая туда попала. Был ваш иск.

А.В. СТЕЦЕНКО

У вас есть этот иск? Вы можете показать иск сейчас, Владимир Владимирович, этому собранию, что МЦР подал иск об изъятии коллекции?

Я хочу сказать: при Александре Алексеевиче Авдееве у нас была достигнута договоренностей, и Кирилл Евгеньевич об этом знает, он работал в аппарате Александра Алексеевича Авдеева, и можно с ним связать и уточнить, мы достигли договоренностей, даже несмотря на то, что суд признал нас наследниками, мы коллекцию не изымаем. Мы вышли с предложением о сотрудничестве, о заключении договора с Государственным музеем Востока. Нет этого иска. Иск был в 2001 году, Владимир Владимирович. После этого МЦР никаких исков об изъятии не подавал.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Нужно это уточнить на самом деле.

К.Е. РЫБАК

Можно я поясню, с вашего позволения. Ситуация очень простая. Шли где-то 80-е годы, середина. Святослав Николаевич Рерих написал завещание в пользу Советского фонда Рериха. Оно грамотно юридически оформлено, как положено в соответствии с индийским законодательством.

В 1991 году произошел развал Советского Союза. Людмила Васильевна Шапошникова занимала вторую должность и в Советском фонде Рериха и в МЦР. И она создала Международный Центр Рериха, МЦР.

Было оформлено так называемое вами ...*(Неразборчиво.)* к завещанию, которому дал суд надлежащую оценку, не признал его изменением завещания. И с того момента началась длительная, очень давняя история, когда Людмила Васильевна Шапошникова пыталась легализовать ту часть Советского фонда Рерихов, которая находилась у нее (фактически из рук в руки передала) а также решить вопрос с той частью, которая находилась в Государственном музее Востока и тоже была завещана Советскому фонду Рерихов (то есть двухчастная тема). Этот суд продолжался очень долго, в результате при Авдееве в 2011 году Хамовнический суд на основании заявления Международного Центра Рерихов о признании его наследником всей наследственной массы, которая была завещана Советскому фонду Рерихов, признала его наследником. И тогда перед Александром Алексеевичем Авдеевым встал вопрос: как же быть с той частью наследия, которая де-факто находится в Государственном музее Востока? Потому что де-юре она поступала бы в собственность общественной организации "Международный Центр Рерихов". Александр Алексеевич ушел с поста...

С МЕСТА

Какое было принято решение?

К.Е. РЫБАК

Было принято решение, озвученное в газете то ли "Советская культура", то ли "Российская газета", что просьба не беспокоиться, как-то так

эта статья называлась, о том, что все будет на месте и будет заключено некое соглашение, что собственником является МЦР, а музей Востока уже является пользователем этого имущества. Это решение Хамовнического суда было пересужено, судом было установлено, что Международный Центр Рерихов не является правопреемником Советского фонда Рерихов ни по завещанию Святослава Николаевича Рериха, ни в силу правопреемства юридических лиц. Более того, Минюст России еще в 1993 году (у нас есть письма) говорил, что МЦР не является правопреемником Советского фонда Рерихов, это вновь созданное юридическое лицо. Вот вся история.

Александр Витальевич говорит, что действительно право собственности юридического лица возникает по различным основаниям. Пожалуйста, покажите эти основания. Все.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Так, уважаемые...

Мы еще получили справку о том, что было... Таким образом, было судом утверждено, что вы не являетесь правопреемником Советского фонда Рерихов и тем самым не являетесь хозяином этих картин. Поскольку картины находятся в музее Востока, это не оспаривается. Поскольку коллекция единая, но из двух частей, мы изучаем, что и вторая часть коллекции, должна быть у государства. Об этом нет судебного решения, я с вами согласен, но думаю, что оно рано или поздно появится. Поэтому в нашем понимании, что в государственную собственность должно отойти и то, что есть сейчас и уже находится в музее Востока, так и вторая его часть.

Если с этой точки зрения думать дальше, что нам делать, вариантов два: или у вас это изъять и оставить в музее Востока (это тоже вариант, мы не против его), или предложенный мной вариант: сделать некий совместный проект в вашем здании в части объединения коллекции. Вот суть нашего предложения.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да, пожалуйста.

А.В. СТЕЦЕНКО

Уважаемые коллеги, права собственности наступают не только по завещанию, я повторяю, позиция МЦР такова: мы владеем наследием не на основании правопреемства МЦР Советскому фонду Рерихов и не на основании завещания, потому что после написания завещания Святослав Николаевич Рерих в 1992 году четко все подтвердил, и фактически по индийскому закону завещание утратило свою силу. Это уже не наследственная масса. Это первое.

Второе. Кирилл Евгеньевич, Вы все правильно сказали, но кое-что упустили существенное: это заявление в "Российской газете" написал МЦР (можно поднять), где мы несколько раз предложили сотрудничество. Это 2012 год, апрель, "Советская Россия". Александра Алексеевича можно запросить, он действует, и, надеюсь, он скажет, что мы достигли договоренности: МЦР не требует возвращения коллекции из музея Востока, поэтому не было никаких исков. И мы пошли на сотрудничество. Но, к сожалению, Александр Алексеевич ушел с поста, новое министерство пришло и несколько поменяло...

И последнее еще. Мы не оспариваем это решение, хотя здесь проблематично. Пускай юристы рассуждают. Но решение вступило в законную силу. Да, мы не наследники, но это не значит, что мы незаконно владеем имуществом, переданным нам его собственником. Если в 1992 году Святослав передал нам имущество, то завещание 1990 года утратило свою силу. Это юридический спор. Но ни в коем случае давайте не будем выходить за рамки правового поля. Есть юридическая коллизия, пускай решают юристы.

И последнее. Ситуация очень сложная. Знаете, почему?

Это не я говорил. Это уже говорил Александр Алексеевич Авдеев, будучи министром: "Опасно открывать ящик Пандоры". Святослав Николаевич Рерих был гражданином Индии. Имущество передавал движимое из Индии. Если Министерство культуры отказывается признавать МЦР собственником наследия, то вы создаете предпосылки к очень серьезным последствиям.

У Святослава Николаевича была жена Девика Рани. У нее куча родственников. И если индийская сторона узнает, а рано или поздно она узнает, то будет очень много претендентов на это имущество, которое передал Святослав Николаевич. Если вы отказываетесь признавать волю его, то это очень опасно. Я хочу, чтобы вы тоже это учли.

В.В. АРИСТАРХОВ

Именно поэтому мы настаиваем на внесении в музейный фонд. Тогда снимаем все риски ухода коллекции.

А.В. СТЕЦЕНКО

Пожалуйста, в негосударственную часть музейного фонда. Владимир Владимирович...

В.В. АРИСТАРХОВ

Вот тут мы с вами расходимся.

А.В. СТЕЦЕНКО

И контроль будет полнейший.

В.В. АРИСТАРХОВ

Нам ближе отдать их в государственный музейный фонд.

А.В. СТЕЦЕНКО

Ну, ладно, будем обсуждать.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Светлана Петровна, пожалуйста.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Тут, конечно, есть много таких юридических тонкостей и нюансов. Но, с другой стороны, мне кажется, уже прозвучало очень разумное предложение (кстати, в рамках закона) – сесть за стол переговоров, заключить договорные отношения какой-то части, там, где есть вопросы, которые требуют этого решения. А какие вопросы – тут тоже всем понятно.

Прекратить, может быть... Я сама юрист и знаю, что иногда формализм доводит до абсурда. Прекратить, может быть, тягать этот Международный Центр этими проверками. Уже все ясно.

Я почему задавала вопрос по поводу налоговых, кто же там находится, какие собственники. Ответа никто не знает, но шлейф за этим Центром тянется. Почему это важно? Потому что мы же понимаем, что действительно бесценные ценности там находятся. И кто завтра украдет или что-нибудь еще, так потом будут скандалы и позор не только для России, но и Индия тут уже будет вмешиваться. Поэтому нужно садиться за стол переговоров, определить все это. Мне кажется, что Центру не надо бояться участия государства. Ну, это же Россия. И мы тоже не можем Министерство культуры полностью освободить от обязанностей, разумно общаться и работать, и контролировать, потому что государство всегда будет контролировать, в том числе и общественные организации. Поэтому хотелось, чтобы это случилось.

Я думаю, что вы правы, что этот коллектив, который по крупицам собирался (я не случайно задавала вопрос по заработной плате), работает там за бесценок. Конечно, эти люди, может быть, не менее ценны, чем сами картины. Это тоже нужно реально представлять. Поэтому борясь с юридическими формулировками и с руководством этого Центра, мы должны прекрасно понимать, что эти люди тоже сидят и смотрят: а как решится вопрос, а какая их судьба будет завтра. Они служили всю жизнь этому великому искусству и вдруг они оказываются не нужны только потому, что

там где-то какая-то закорючка в законе оказалась не так написана. Вот, мне кажется, тогда все это разрядится. Давайте немножко сбавьте. Ваши предложения разумны. Я думаю, что все встанет на свои места. А у них должно появиться чувство уверенности, что завтра не придут очередные проверяющие, не затаскают по прокураторам, что они могут спокойно работать, но без пропаганды. Потому что у нас есть своя вера, у нас есть все свое. И нам тут самые распрекрасные индийские теории и теософии... они хороши, но не в сфере того, где находится Министерство культуры. То есть это все для других аудиторий. Мы сами принимали закон, я сама принимала, по поводу этих сект, что надо оградить наше общество от них. Поэтому здесь только, пожалуйста, чтобы вам не вешали то, о чем мы говорим. Вы, пожалуйста, делайте так, чтобы это было в рамках действующего законодательства.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо, уважаемая Светлана Петровна.

Есть желающие еще что-то сказать? Все выговорились?

Тогда я прежде всего хочу поблагодарить всех, кто работает в Центре Рерихов в Вашем лице. Передайте коллективу благодарность за ту огромную работу, которую вы ведете. Та печаль на Вашем лице, должна потихоньку уходить, потому что, мне кажется, главное, чем вы руководствуетесь...

Я на самом деле вчера просто потрясена была. Кто-то следует, вот как Виктор Викторович сказал, картинам, которые несут сплошной позитив, это так. А я все к словам Святослава Рериха – "Защищайте Международный Центр Рерихов, помогайте его сотрудникам, не позволяйте никому мешать его работе. Без страха продвигайтесь вперед, да будут ваши сердца чисты, а помыслы благородны. Помните, что судьба России в ваших руках. Да будет свет!" Вот удивительные слова. И честно скажу, вчера после заседания коллегии Министерства культуры, где мы другие вопросы рассматривали, Владимир Владимирович председательствовал, я уходила с чувством и

огромным желанием еще и еще раз попытаться найти ответы на вопросы, которые столько лет уже на повестке дня. Просто немыслимо, это уже можно назвать двумя десятками лет. Но надо, в конце концов, приплывать к одному берегу. Мы попытку сделали найти консенсус. И если пару недель назад мы с Владимиром Владимировичем обсуждали в одной плоскости этот вопрос, то сегодня, к моему приятному очень удивлению, потому что мы тоже со Светланой Петровной и в Страсбурге, даже находясь сейчас на Конгрессе местных властей, к этой теме еще раз возвращались, преследуем только одну мысль: найти консенсус. Такое дело! Вот был бы он жив сейчас, он бы в потрясении был от того, что происходит.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Читала в законе... *(не слышно)*.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да.

Владимир Владимирович, Вы знаете, с каким уважением мы относимся к Министерству культуры, к министру, к Вам лично, как мы за эти годы приблизились друг к другу, как много хорошего мы сделали за эти годы. И я абсолютно уверена, что консенсус найти можно. И дать возможность после этих сотен проверок, которые лихорадят общественную организацию, найти тот вариант, который бы устроил всех, и была бы возможность им нормально работать.

Я не в качестве примера, но вот два дня назад мы в своем коллективе встретили вместе с сирыми детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, которым я всю жизнь помогаю, 23 года Международной общественной благотворительной организации – центру народной помощи "Благовест", который есть мой второй ребенок, кроме моей дочери единственной. И который прошел с 1993 года самый трудный путь, когда на счету был рубль, когда надо было сказать, что мы не можем. И может быть, потому что благословил меня на это дело Питирим, Царство ему Небесное,

мне кажется, он оттуда помогает постоянно, чтобы мы не рухнули. Но это тяжелейший путь становления общественных благотворительных организаций. Потому что мы шли и идем не проторенным путем. Мне датчане присылают 900 огромных кулей, мешков гуманитарной помощи, одежда для детей, собранная семьями датскими, почищенная, зашита, если где-то нужно было, в идеале расписанная: детям до трех лет, до пяти лет. А налоговые и прочие структуры ко мне приходят и говорят: вы должны заплатить государству за то, что вот это получили, оцените каждую простынь и каждые тогда штаны и так далее, и все, что там лежало. Я категорически отказалась тогда в 1994 году и получила от датчан письмо всем контрольным органам России, что мы посылаем, мы доверяем этой организации и так далее. На их пути тоже было немало. И Светлана Петровна сказала: при желании нарыть, вот не тот подвал подрыли. Но сделали же, вот перед нами, что было и что стало. Но почему за это даже не поблагодарить их? Ну не с неба же сыпались деньги. Привели в порядок. Мне по душе было вчера такое эмоциональное, но очень правдивое выступление министра, по отношению к моему коллеге из Госдумы питерскому, когда он разъяснил, что есть цирк в Питере и что есть вообще что. Вот здесь я 100 процентов подписываюсь под каждым его словом. Но здесь, но если не идет у них с этим музеем Востока, я ничего плохого не говорю, музей Востока делает действительно огромную работу и может быть даже в чем-то, как Вы сказали, больше. Но хорошо, если вы не можете поддержать общественную структуру, хотя не раз и сегодня "Благовесту" в том числе помогает государство и Министерство труда и социальной защиты.

Мы участвуем в конкурсах и мэрия, и правительство Москвы. Пусть мизер, но всегда поддержка есть, потому что я помогаю сирым детям, она налицо, они пофамильно есть, их могут увидеть. Никто не стал помогать девочке в Москве, которая родилась без обеих рук. Отказалась и мать, и все... А бабушка с дедушкой (дедушка уже умер) продолжали эту работу.

Мы взяли эту девочку и 20 лет ведем ее по жизни, она уже студентка, мы ей помогаем. У нас было девять детей в Москве, заболевших орфанными заболеваниями, которые не излечиваются, которым заведомо прописана смерть. И годик давался девочке (Маше Лопаткиной) на жизнь, а мы ей шесть лет... возим ее в Словению, 10 тысяч каждое 1-е число переводим, и этого хватает только на шесть – восемь перебинтовываний всего ее тельца. Это только на бинты! Это делает наша общественная благотворительная организация. Вы делаете другое дело. Но почему их надо наклонять?

В общественной организации на самом деле должно быть побольше свободы, побольше каких-то действий. Я привыкла работать плечом к плечу с государством. Я говорила: мы родились для того, чтобы встать слева или справа от плеча государства и помогать ему. Государство помогло 10 тысячам детей, а я 32-м. Позавчера и одела их, и обула, и еще каждый месяц помогаю, и считаю, что это нормально, когда нормальные люди стремятся на помощь к тому, кто в этом нуждается. Ну, зачем их наклонять, когда все свидетельствует о том, что он поддержал создание такого Центра Рериха, доверил ему, и только ему? Почему их надо сейчас с кем-то сливать, соединять и так далее?

Вместе с тем не могу не согласиться и не услышать все, что сегодня прозвучало и из ваших уст, как я понимаю, Кирилл Евгеньевич уже много лет этим занимается. Спасибо Вам огромное, Вы владеете ситуацией. Но, чтобы не было переключек, что это ложь или еще что-то, наш разговор тоже зафиксирован. Давайте мы все-таки будем на самом деле точны в наших выражениях.

И последнее. Мы и вчера еще раз встречались, мы очень хотели предложить то, что прозвучало сегодня из уст Владимира Владимировича. Это хорошее предложение, хороший шаг навстречу вам. Давайте попробуем все-таки услышать друг друга там, где нужно что-то изменить, и в Вашем выступлении в том числе такие предложения уже прозвучали. Там, где это

невозможно и это может навредить, Владимир Владимирович, давайте поддержим. Это звучало неоднократно из уст Президента нашей страны, в том числе в посланиях Федеральному Собранию, о поддержке общественных структур. Перед нами таковая, и я сторонница поддерживать ее. Но коль скоро столько прошло проверок и коль скоро был выявлен целый ряд нарушений, часть из которых наверняка вы уже за это время устранили, другие следует устранять, без этого нельзя. Нас тоже бесконечно проверяют различные палаты, контрольные органы, приходится все это терпеть, доказывать. И что я делаю? Всегда лучше всего устранить недостатки, и тогда работать легче уже потом.

Поэтому у меня появилась надежда (я думаю, выражаю общее мнение), что мы разойдемся не противниками и не оппонентами друг друга (я имею в виду левую и правую стороны), а прежде всего с огромным желанием пойти по пути, предложенному сегодня Министерством культуры в лице Владимира Владимировича. Мы очень много вместе с ним в последнее время достигаем не только консенсуса, большой позитив идет у нас от совместных мероприятий. Я убеждена, что мы найдем общий язык. Мы должны оставлять за собой право (и комитет, и я буду советоваться с Валентиной Ивановной)... В свою очередь, прошу рассказать Владимиру Ростиславовичу о нашем разговоре. И, Светлана Петровна правильно сказала, в том числе даже в Страсбурге коллеги с Украины, конечно, в коридорах подходили и говорили: давайте снижать градус озлобленности, давайте искать какой-то другой путь. Вот и здесь звучит предложение все-таки сделать навстречу шаг к общественной организации или полшага с теми условиями, которые в том числе вы обозначили сегодня.

Но вот эти предложения нас согрели уже утром, потому что это тоже своеобразный шаг навстречу уважаемому нами министерству.

К.Е. РЫБАК

Если через два месяца или после Нового года мы получим от обеих сторон коротенькие письма, что мы уже договорились, что все у нас в порядке, что мы нашли точки соприкосновения, и тогда мы будем считать, что эта работа... *(Говорит не в микрофон. Не слышно.)* Ладно? В министерство.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Будем стараться.

Тогда я тоже благодарю вас...

А.В. СТЕЦЕНКО

Зинаида Фёдоровна, Вы сказали очень правильные и нужные вещи, и МЦР готов, я надеюсь... после сегодняшнего разговора я готов в любое время встретиться и с Владимиром Владимировичем, сесть, обсуждать эти вопросы. Если есть какие-то моменты, есть юристы, пускай обсудят. Конечно, где-то и мы пойдем навстречу, но где-то и Министерство культуры должно тоже обратить внимание на значение нашей организации, что такой труд, который был затрачен, – это же не зря. Мы же тоже трудились во благо России. И я согласен с вами: справа и слева плечо государства, однозначно, и мы не враги государству. Поэтому, если наша цель – сохранить наследие Рериха, мы всегда найдем общий язык, Владимир Владимирович.

В.В. АРИСТАРХОВ

В музее Востока с кем мы будем общаться?

А.В. СТЕЦЕНКО

Ну, кого Вы скажете. Я готов. Кого Вы назначите.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Нет, лучше работать, когда есть...

В.В. АРИСТАРХОВ

Вы просто так много всего уже написали. С кем можно нормально?..

А.В. СТЕЦЕНКО

Подождите, Вы понимаете, у нас давнишняя, старая история. Давайте мы закроем старую историю и начнем новую.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да, давайте закроем на самом деле.

А.В. СТЕЦЕНКО

Поэтому нам лучше бы начать все-таки с Министерства культуры основные позиции. Структура музея Востока в вашем подчинении.

В.В. АРИСТАРХОВ

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

К.Е. РЫБАК

Я считаю, однозначно надо с музеем Востока общаться.

А.В. СТЕЦЕНКО

Ну, давайте мы обсудим это. Буквально на следующей неделе встретимся и обсудим.

В.В. АРИСТАРХОВ

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

А.В. СТЕЦЕНКО

Давайте. Давайте на следующей неделе встретимся и обсудим.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Чтобы было вас трое. Конечно, министерство, конечно, вы и, конечно, музей Востока. Ну, как? Иначе нельзя.

А.В. СТЕЦЕНКО

Я Вам сейчас дам свой телефон. Пожалуйста, давайте мы на следующей неделе встретимся и...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

А у нас первый заместитель председателя комитета по Регламенту, сильнейший юрист в нашей стране. И там, где будут вдруг спотыкаться правовики от ваших структур, будем помогать мы.

А.В. СТЕЦЕНКО

Пожалуйста.

В.В. АРИСТАРХОВ

Спасибо.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Ну, давайте.

А.В. СТЕЦЕНКО

Кирилл Евгеньевич знает мой телефон.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Кирилл Евгеньевич, я тоже хочу Вас попросить с учетом основательности, знания, Вы уже поставили часть своей молодой жизни (я не знаю, когда Вы все успели так... с 1800 года начали): сделайте, еще раз говорю, внутри себя какой-то поворот. Поедем вместе потом в этот Центр, будем вместе проводить потрясающие выставки.

А.В. СТЕЦЕНКО

Конечно.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Никакого экстремизма. Вообще духу чтобы не было. Наша страна великая.

А.В. СТЕЦЕНКО

Подождите, да какой же был экстремизм у нас? Это шутка, будем считать, да?

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Ну, не шутка, не шутка. Я промолчала, но у меня тоже есть эти данные, которые меня тяготили и Светлану Петровну. Ну, это прозвучало. Не сразу, но прозвучало, чтобы вообще...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Значит, делайте так, чтобы даже повода не было... к вам в этом вопросе, даже чтобы повода не было.

А.В. СТЕЦЕНКО

А что конкретно? Скажите. А что?.. Скажите. Может, я что-то не понимаю.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Нет, дело все в том, что, понимаете... Это нужно понимать реально так, что в этой ситуации то, что Россия сегодня – мишень, только слепой не видит.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Да, это так.

С.П. ГОРЯЧЕВА

То, что Россию будут раздирать, учитывая нашу огромную территорию, по разным частям и с разных сторон, – это тоже правда.

А.В. СТЕЦЕНКО

Но мы не допустим этого.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Понимаете, я еще раз говорю...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Со ссылкой на конкретную фамилию Кирилл Евгеньевич сказал о том, чем занимается Елена...

С.П. ГОРЯЧЕВА

Почему мы в этой ситуации должны были по поводу сект всяких, которые к нам сюда хлынули, кого только не было, вносить специальные в закон поправки, чтобы прекратить все это? Потому что, когда доберутся до нашей семьи...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Под ролью общественных организаций.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Когда в семье один кришнаит, другой – мормон, третий – еще... из детей, а родители православные, вот тогда трагедия России по-настоящему

начнется, потому что даже там, на уровне семьи, никто никого не услышит. Вот поэтому... У нас есть своя вера, свои веры, не одна, а у нас тут четыре, наверное, самых таких... А остальное все, пожалуйста... Да, Рерих великий, да, это великое учение Востока. Я читала очень много и вообще считаю, что самая, может быть, стройная система теософическая именно в буддийской философии.

Но мы живем в России, и Россия – это наши истоки. Поэтому это, пожалуйста, так, чтобы нигде не перехлестывало, от искусства к какой-то идеологии. Особенно сейчас, потому что, правда, нам нельзя этого допускать. Нельзя нам допускать. А вот это...

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Позитив, о котором говорил Виктор Викторович. Позитив, только несем позитив, как и Рерихи.

А.В. СТЕЦЕНКО

Однозначно.

С.П. ГОРЯЧЕВА

Там столько позитива.

А.В. СТЕЦЕНКО

Да в наследии Рериха один только позитив, полностью.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

По времени (я не знаю, мне очень трудно по времени определяться) два месяца могут изменить что-то, Владимир Владимирович?

С.П. ГОРЯЧЕВА

Да нет, я пошутила.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Я понимаю.

С.П. ГОРЯЧЕВА

После Нового года.

В.В. АРИСТАРХОВ

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Попробуем?

Светлана Петровна, Вы не услышали, а я услышала. "Попробуем", – сказал Владимир Владимирович. Конечно, в Новом году.

Еще раз спасибо. Двигаемся так, как и договорились. Хорошо?

А.В. СТЕЦЕНКО

И Вам спасибо, Зинаида Фёдоровна.
